

В.С. Ишигеев, В.Л. Лапша

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА (ст. 321 УК РФ)

Рассматривается дискуссионный с позиции квалификации вопрос о содержании действий, приводящих к дестабилизации исправительных учреждений. Также подчеркивается, что само используемое понятие дезорганизации применительно к деятельности исправительных учреждений нуждается в разъяснении в аспекте их направленности и последствий, имеющих квалифицирующее значение. В связи с этим предложена рекомендация, учитывающая последствия от таких действий, которые практически всегда имеют место.

Ключевые слова: уголовный закон, состав преступления, дезорганизация исправительных учреждений, исполнение наказания, уголовная ответственность.

Преступность в местах лишения свободы является неотъемлемой частью преступности в стране.

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, представляют серьезную проблему, в том числе потому, что подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы, препятствуют достижению целей наказания, дестабилизируют обстановку в местах лишения свободы, оказывая негативное воздействие на поведение осужденных.

В настоящее время в местах лишения свободы 58% осужденных судимы неоднократно; 47% отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в исправительных колониях образуются многочисленные группировки отрицательной направленности, придерживающиеся преступных традиций уголовно-криминальной среды, ведь непосредственно в местах лишения свободы формируется «идеология преступного мира», произошло слияние двух форм преступной деятельности: организованной и общеуголовной.

Одновременно в местах лишения свободы под влиянием «преступной идеологии» происходит своеобразный «захват власти», когда исправительные колонии и их контингент начинают отбывать наказание по «уголовным понятиям» в соответствии с «криминальной субкультурой», а не по нормам уголовно-исполнительного законодательства, т.е. в настоящее время можно наблюдать противостояние: «они и мы!» Исправительные колонии, где действуют «криминальные субкультуры», называют «черными», а те колонии, где действуют нормы уголовно-исполнительного законодательства и Правила внутреннего распорядка, именуют «красными».

Задачей «криминалиста» в настоящее время является распространение своего влияния на большую часть осужденных с целью захвата власти в исправительных учреждениях.

Одним из таких действий осужденных в местах лишения свободы по переориентированию исправительных колоний являются действия по дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Несмотря на то, что в структуре преступности в местах лишения свободы действия по дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, всего 2–3%, нельзя не учитывать, что эти

преступления характеризуются высокой степенью общественной опасности, причиняют существенный вред исправлению осужденных и предупреждению преступлений.

При этом не следует забывать, что важная роль в предупреждении преступлений в местах лишения свободы принадлежит уголовно-правовым мерам, так как ч. 1 ст. 2 УК РФ предусмотрела предупредительную функцию уголовного законодательства, но гарантированность борьбы с преступностью зависит от содержания уголовно-правовой нормы и уровня правоприменения.

Исходя из наименования ст. 321 УК РФ, видно, что данная уголовно-правовая норма регулирует и охраняет такие общественные отношения, которые призваны обеспечить деятельность учреждений, исполняющих по приговору суда уголовные наказания в виде лишения свободы.

Впервые термин «дезорганизация» был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» [1], вызвав неоднозначную оценку в теории и практике, так как с лингвистических позиций он полисемичен. Так, с одной стороны, «дезорганизатор» – человек, нарушающий порядок, дисциплину, а с другой – нарушение общественного порядка, дисциплины, расстройство организации, развал» [2. С. 204].

Именно поэтому можно объяснить неоднозначную позицию ученых в отношении объема и содержания данного термина [3–5].

В УК РФ 1996 г. законодатель также не дал определение понятия дезорганизации деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Поэтому исходя из смысла нормы ст. 321 УК РФ, можно сделать вывод, что под «дезорганизацией деятельности исправительных учреждений» следует признать определенные действия, выразившиеся в следующем:

а) применение насилия, не опасного для жизни и здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в его отношении с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы;

б) те же действия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в

связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких;

в) деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Таким образом, степень дезорганизации работы учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, различна, так как зависит от правового статуса потерпевших, от степени интенсивности насилия и от совершения преступления организованной группой.

Жизнь и здоровье всех граждан уголовным правом охраняется одинаково, независимо от индивидуальных качеств потерпевшего. В случае же применения ст. 321 УК РФ законодатель, устанавливая повышенную уголовную ответственность за нападение на осужденных с целью воспрепятствовать их исправлению или из мести за содействие администрации, исходит из того, что кроме причинения вреда здоровью осужденным это преступление причиняет ущерб деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по исполнению приговора суда.

Для правильного применения ст. 321 УК РФ представляется важным определить, в отношении какой категории осужденных направлены действия по дезорганизации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Термины, указанные в диспозиции ст. 321 УК РФ, характеризующие субъективную сторону преступления, впервые были указаны в УК 1996 г., а до этого они определялись в разъяснении высшей судебной инстанции [6. С. 27–28].

Между тем, как отмечает А.А. Примаков, «фактически любой осужденный, добросовестно выполняющий обязанности, возложенные на него нормами уголовно-исполнительного законодательства и Правилами внутреннего распорядка» [7. С. 78], может стать жертвой преступления, так как в соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ «исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям человеческого общежития и стимулирования правопослушного поведения».

В результате проведенного исследования установлено, что поведение потерпевших от действий осужденных, придерживающихся традиций и обычаев «криминальной субкультуры», отличается большим разнообразием.

Среди ситуаций, в которых поведение потерпевшего способствует совершению преступлений, является непротиводействие преступникам. Так, осужденные, добросовестно работающие на производстве, отличающиеся примерным поведением, вынуждены подчиняться различного рода поборам во «благо воровское» (общую кассу взаимопомощи), так как в колонии сильно влияние отрицательной части осужденных, определяющих, что каждый обязан вносить свою долю в «общак», а в противном случае он должен быть наказан.

Будут ли эти действия означать воспрепятствование?

В соответствии с Правилами внутреннего распорядка и в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством все осужденные обязаны содействовать адми-

нистрации в поддержании порядка. Респонденты из числа осужденных отмечают, что выпады и нападения «отрицательной» части осужденных происходят в отношении невольных, порядчиков, бригадиров, называемых «красными», сотрудничающих с администрацией, т.е. это, думается, надо рассматривать как нападение из мести.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением А.А. Примакова, считающего, что данное преступление не должно ограничиваться территорией исправительного учреждения, так как месть осужденному, оказывающему содействие администрации, возможна и тогда, когда он уже освобождается из мест лишения свободы [7. С. 89].

Важным моментом современной диспозиции ст. 321 УК РФ является то, что в неравном положении находится категория вольнонаемных работников исправительных колоний, которые в своей повседневной деятельности также принимают участие в исправительном воздействии на осужденных. Это мастера производственного обучения, врачи, учителя и др.

Нормальная работа учреждений уголовно-исполнительной системы предполагает должную охрану служебной деятельности лиц, которые наравне с аттестованными сотрудниками исправительных учреждений обеспечивают исполнения наказания назначенного по приговору суда.

Даже в диспозиции ст. 77¹ УК РСФСР 1960 г. было сказано, что потерпевшим при совершении действий, дезорганизующих ИТУ, является представитель администрации мест лишения свободы. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 декабря 1962 г. № 16 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» указал, что «представителями администрации следует рассматривать: лиц начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений; личный состав конвойной охраны и надзирательский состав; вольнонаемный состав, осуществляющий в местах лишения свободы политико-воспитательную работу и медицинское обслуживание; административный и инженерно-технический персонал, руководящий производственной деятельностью заключенных» [8. С. 12].

Думается, что вопрос о расширении круга потерпевших по ст. 321 УК РФ должен быть пересмотрен законодателем, и подобное имеется в УК Республики Беларусь, где в ст. 410 УК Республики Беларусь предусмотрено, что при действиях, дезорганизующих работу учреждений уголовно-исполнительной системы, потерпевшими являются представители администрации, тем самым уравнивая две категории сотрудников: вольнонаемных и аттестованных [5. С. 180].

Степень дезорганизации мест лишения свободы, исходя из диспозиции ст. 321 УК РФ, может быть различной. Любой случай применения насилия к осужденным, вставшим на путь исправления, или из мести за содействие администрации, а также за посягательства на сотрудников исправительных учреждений расстраивает деятельность мест лишения свободы более существенно или на более продолжительное время, что свидетельствует о высокой степени дезорганизации исправительного учреждения.

Важной составляющей реальности современной дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, является причинение материального ущерба. Так, в настоящее время повсеместно при дезорганизации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершается уничтожение имущества исправительных колоний, а причинение ущерба в диспозиции ст. 321 УК РФ не предусмотрено, хотя в 2012 г. в исправительной колонии № 6 г. Копейска Челябинской области, в 2017 г. в воспитательной колонии г. Ангарска, в 2020 г. в исправительной колонии № 15 г. Ангарска был причинен миллионный ущерб, когда были уничтожены подсобные хозяйства, цеха, здания и т.д.

Поэтому полагаем, что в диспозиции ст. 321 УК РФ в порядке *de lege ferenda* считаем возможным предложить внесение нового квалифицирующего признака – «при-

чинение значительного и крупного ущерба». Вариантом мог бы служить правовой механизм взыскания штрафа, при котором его уплата становится «очень выгодной», а его неуплата «очень невыгодной». Это стимулировало бы осужденного добровольно «рассчитаться» с государством, нежели претерпевать длительные серьезные негативные последствия, связанные с неуплатой. Таким стимулом, например, могло бы служить сокращение его размера в случае уплаты в сокращенный срок, например, по аналогии с п. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ, 30 дней со дня вступления приговора в законную силу, уплата может быть осуществлена в размере половины суммы назначенного судом штрафа. Неуплата же, напротив, независимо от того, назначен штраф в качестве основного или дополнительного, влекла бы замену на более суровое наказание в усиливающей кару пропорции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 1961. № 19. Ст. 207.
2. *Словарь иностранных слов* / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ГИС, 1954. 856 с.
3. Кузнецов А., Романов А. Отграничение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, от хулиганства в местах лишения свободы // Советская юстиция. 1963. № 23.
4. Костюк М. Объект уголовно-правовой охраны в исправительных учреждениях // Законность. 1999. № 10.
5. Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД, 2002. 270 с.
6. *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1985. № 4.
7. Примак А.А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. 2003. 220 с.
8. *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1962. № 6.

Selected Issues of Qualification of Actions Disorganizing the Activities of Institutions Providing Isolation From Society (Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 25–27. DOI: 10.17223/23088451/16/5

Vladimir S. Ishigeev, Institute of State and Law, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

Vadim L. Lapsha, Institute of State and Law, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Keywords: criminal law, corpus delicti, disorganization of correctional institutions, execution of punishment, criminal liability.

Prison crime is an integral part of crime in the country. Crimes committed in correctional institutions pose a serious problem, because they undermine the penitentiary system authority, impede the punishment goal achievement, destabilize the situation in prisons, and have a negative impact on the convicts' behavior. Currently, 58 % of convicts in prisons have been tried repeatedly; 47% are serving sentences for committing grave and especially grave crimes. Numerous groups of negative-minded convicts in penal colonies adhere to the traditions of the criminal environment with its "criminal ideology". The two forms of criminal activity – organized and conventional – have merged: organized and conventional. The "criminal ideology" in prisons bring about the "seizure of power", when correctional colonies and their contingent begin to serve sentences according to "criminal notions" in accordance with the "criminal subculture", not according to the norms of executive legislation. The present day shows the confrontation between "us" and "them". The correctional colonies with "criminal subcultures" are called "black", while those where the norms of executive legislation and the Internal Regulations prevail are called "red".

References

1. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1961) 19. Art. 207.
2. Lekhin, I.V. & Petrov, F.N. (eds) (1954) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. 4th ed. Moscow: GIS.
3. Kuznetsov, A. & Romanov, A. (1963) *Otgranichenie deystviy, dezorganizuyushchikh rabotu ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy, ot khuliganstva v mestakh lisheniya svobody* [Delimitation of actions that disrupt the work of correctional labor institutions from hooliganism in places of detention]. *Sovetskaya yustitsiya*. 23.
4. Kostyuk, M. (1999) *Ob'ekt ugovolno-pravovoy okhrany v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Object of criminal law protection in correctional institutions]. *Zakonnost'*. 10.
5. Ishigeev, V.S. (2002) *Penitentsiarnye prestupleniya* [Penitentiary crimes]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs.
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1985). 4.
7. Primak, A.A. (2003) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, posyagayushchie na ustanovlennyy poryadok ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Criminal liability for crimes against the established procedure for the execution of imprisonment]. Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
8. *Byullyuten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1962). 6.